

Научная статья
УДК 81.373.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423
EDN: THSUUP

ПОЛИАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ЗООЛЕКСЕМЫ БЁРЮ ‘ВОЛК’ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев¹, Алим Каншауович Аппоев²,
Ахмат Магомедович Мизиев³

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, ketenchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, appoev74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2654-8555>

³ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, miz1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6138-9379>

Аннотация. Статья посвящена исследованию лексики карачаево-балкарского языка. В ней полиаспектному анализу подвергается зоонимическая лексема *бёрю* ‘волк’, выявляются ее словообразовательные интенции, отмечается представленность в таких пластах лексики, как фитонимы, антропонимы и топонимы, а также в составе фразеологических единиц. В работе отмечается, что рассматриваемая зоолексема отличается значимыми для карачаевцев и балкарцев этнокультурными составляющими, которые в большей степени носят архаизированный характер. В самом общем виде в мировосприятии народа волк предстает как живое существо, которое является тотемом. Он воспринимается как хищник, наносящий урон животноводству, как исцеляющее от недугов и охраняющее от нечистой силы животное, как посредник между царствами мертвых и живых. В анималистических сказках волк часто наказывается за свою алчность и проигрывает другим животным, как диким, так и домашним. В карачаево-балкарском нартском эпосе он дает начало роду нартов, что коррелирует с верованиями других родственных народов периода тенгрианства. В корпусе карачаево-балкарских пословиц и поговорок обнаруживают себя когнитивные характеристики, релевантные как для волка, так и человека, что обусловливается спецификой ментальности этноса. Анализируемый фактологический материал позволяет говорить как об универсалиях, связанных с образом волка, так и об идиоэтнических его составляющих. Зоолексема *бёрю* является значимым компонентом зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской наивной картине мира, в том числе и в языковой.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, устное народное творчество, лексика, словообразование, зооним, волк, функция, семантика, этнокультурное значение

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. Полиаспектный анализ зоолексемы *бёрю* ‘волк’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 2. – С. 409-423. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423. EDN: THSUUP.

© Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М. 2024

Original article

MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF THE ZOOLEXEME BÖRÜ 'WOLF' IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mussa B. Ketenchiev¹, Alim K. Appoev², Akhmat M. Miziev³

¹ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, ketenchiev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-8368>

² Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, appoev74@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-2654-8555>

³ Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, miz1967@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6138-9379>

Abstract. The article focuses on the vocabulary of the Karachay-Balkar language. In it, the zoonymic lexeme *börü* 'volk' is treated to a multidimensional analysis, its word-formation intentions are disclosed, its representation in such levels of vocabulary as phytonyms, anthroponyms, and toponyms, as well as in the creation of phraseological units, is highlighted. The research observes that the zoolexeme under discussion is differentiated by ethnocultural components important to Karachai and Balkars, who are more archaic in nature. In its most generic form, the wolf appears in the people's worldview as a living person, or totem. It is viewed as a predator that harms cattle, as an animal that heals maladies and defends against bad spirits, and as a link between the worlds of the dead and the living. In animal stories, the wolf is frequently punished for his greed by losing to other animals, both wild and domestic. In the Karachay-Balkarian Nart epic, it gives rise to the Nart family, which is consistent with the beliefs of other Tengri-era peoples. The corpus of Karachay-Balkarian proverbs and sayings reveals cognitive qualities applicable to both wolves and humans, which are defined by the ethnic group's mindset. The studied factual data allows us to discuss both the universal and idioethnic aspects of the wolf image. The *börü* zoolexeme is an essential component of the zoomorphic cultural code in the Karachay-Balkarian naïve worldview, as well as the linguistic one.

Keywords: Karachay-Balkar language, oral folk art, vocabulary, word formation, zoonym, wolf, function, semantics, ethnocultural significance

For citation: Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. Multidimensional analysis of the zoolexeme *börü* 'wolf' in the karachay-balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 2. – P. 421-435. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-421-435. EDN: THSUUP.

© Ketenchiev M.B., Appoev A.K., Miziev A.M. 2024

В карачаево-балкарской лингвистической науке зоонимам традиционно уделяется большое внимание. Об этом свидетельствуют не только монографические исследования [Шаваева 2011], но и научно-теоретические статьи, в которых рассматриваются их лингвокультурологические особенности [Кетенчиев 2015], а также возможности в реализации zoomорфного кода культуры в языковой картине мира [Гукетлова, Кетенчиев 2014]. Имеет место и анализ номинаций животных с опорой на фольклорный дискурс [Ахматова 2010]. В фольклористической литературе они изучаются в качестве неотъемлемых атрибутов анималистических сказок [Гулиева (Занукоева) 2019]. Вместе с тем зоонимы, за редким исключением, не стали объектом полиаспектного исследования, что имеет непосредственное отношение и к зоолексеме *бёрю* «волк».

Актуальность статьи обуславливается необходимостью поливекторного изучения зоонимической лексики, ее релевантностью для раскрытия закодированной в текстах различной жанровой соотнесенности архаизированной информации относительно мира животных.

Научная новизна статьи детерминирована тем, что в ней впервые на материале карачаево-балкарского языка исследуются лексико-семантические и этнокультурные характеристики зоонима *бёрю*.

Целью представленной статьи является полиаспектный анализ зоолексемы *бёрю* в карачаево-балкарском языке.

Указанная в статье цель предполагает решение нижеследующих задач, релевантных для карачаево-балкарского языка: 1) выявление лексико-семантических и словообразовательных особенностей зоонима *бёрю*; 2) выявление и описание его функционально-семантических характеристик в фольклорном тексте; 3) определение архетипичных и иных этнокультурных значений рассматриваемой лексемы, которые проявляются в текстах карачаево-балкарского устного народного творчества.

Материалом для исследования служит фактологический материал, который содержится в различных лексикографических источниках, а также в текстах примет, благопожеланий и зложеланий, загадок, пословиц и поговорок, сказок и эпических произведений, которые опубликованы в значимых академических и хрестоматийных изданиях.

Рассматриваемый зооним является общетюркским и зафиксирован в форме *böri* еще в ранних лексикографических источниках [ДТС 1969: 118]. Он получил широкое распространение в таких тюркских языках, как алтайский – *пөри*, казахский – *bөрі*, кумыкский – *бёрю*, ногайский и каракалпацкий – *бөри* и т.д. Памятники письма свидетельствуют в пользу того, что форма *бөрү* является более поздней по сравнению с *бөри*. Данную лексему признают производной от *бөр*, *бор* «серый», хотя существует и иранская версия происхождения: *bairaka* «страшный» [Севортян 1978: 219-221].

Небезынтересны и эвфемистические номинации волка: *атайтмаз* «противник, враг, недруг», *бут* «нога (конечность); бедро, огузок», *ёрекюлакь* «со стоячими ушами», *жанлы* «имеющий душу», *кызылкёз* «красноглазый». Эти названия зверя появились вследствие наличия запрета на произнесение его имени и репрезентируют различные характеристики волка.

Как и в других тюркских языках, в карачаево-балкарском языке лексема *бёрю* активно участвует в процессе словопроизводства, на ее основе посредством морфем и словосложения образуются простые и сложные имена существительные и прилагательные, характеризующие человека и другие живые существа: *бёрюлюк* «жадность, алчность», *бёрюкёзлюк* «острота глаз», *бёрюкёз* «остроглазый (букв. имеющий волчьи глаза)», *бёрюкюлакь* «остроухий (букв. имеющий волчьи уши)» и др.

В карачаево-балкарском языке можно обнаружить сопряженность волка и собаки, ср. *бёрюбас* «волкодав (букв. волка давящий)», *бёрюкес* «волкодав (букв. волка загрызающий)», *бёрютут* «волкодав (букв. волка ловящий)». В этих номинациях налицо так называемое функциональное значение лексем, т.е.

собаки могут различаться по выполнению ими определенных функций. В данном случае имеет место актуализация тех действий собаки, которые дают ей возможность выполнения роли охранника чего-либо, в первую очередь домашних животных.

В представлении карачаево-балкарского этноса волк и собака являются противопоставленными друг другу животными. Их оппозитивность отмечена еще в нартском эпосе. Вот что пишется по этому поводу в эпическом микротексте «Волки и собаки»:

«В древности волки и собаки были дружны.
Их потом врагами нарты и эмегены сделали:
Собаки были на стороне нартов, а волки с эмегенами были.
Когда все эмегены были истреблены, волки бездомными стали,
А когда нарты погибли, собаки к людям пришли» [Нарты 1994: 581].

Согласно мифологическим воззрениям карачаевцев и балкарцев, волк и собака имеют одно происхождение. Собаки служили людям, а волки – Тенгри. После того, как пути людей и волков разошлись, бог диких животных Апсаты попросил у Тенгри волков, чтобы они охраняли его скот. Однако как-то волк, будучи обманутым лисой, задрал скот. По этой причине он был изгнан Апсаты. С тех пор волк стал врагом и людей, и скота [КъМФ 1996: 55].

Небезынтересен и тот факт, что анализируемое слово нашло свою нишу в различных терминосистемах языка. Так, например, в карачаево-балкарском языке обнаруживается свыше 20 метафорических наименований флоры, которые включают в свой состав зоолексему *бёрю*, например: *бёрю агъач* «жимолость кавказская», *бёрю мусхот* «тапсия мохнатая», *бёрю тамыр* «борец противоядный; борец высокий», *бёрюаякъ* «плаун булавовидный», *бёрюбаиш гоккаханс* «антиринум большой», *бёрюбуугъан* «борец противоядный», *бёрюкёз* «паслён сладкогорький», *гоккалы бёрючечек* «лютик ядовитый», *узун бёрюбуугъан* «борец высокий» и др. [Хапаев, Хапаева 2022: 515-568]. Такие растения являются лекарственными, имеют двух-, трех- и четырехкомпонентную структуру: *бёрю жилек* «волчегодник обыкновенный», *бояучу бёрюжемии* «зверобой красильный», *ич ётдюрген бёрюаякъ* «плаун баранец» и др. Названия их мотивируются в основном такими признаками, как схожесть с чем-либо (*бёрю алма* «кирказон ломоносовидный» – букв. волчье яблоко, *бёрю къудору* «ежеголовник прямой» – букв. волчий горох, *бёрюбауур* «бирючина обыкновенная» – букв. волчья печень), твердость ствола (*бёрю агъач* «разновидность хмелеграба (данное дерево по твердости обычно сравнивается с железом)» – букв. волчье дерево), цвет (*акъ бёрю къудору* «люпин белый» – букв. белый волчий горох, *кёкбаиш бёрютамыр* «борец клобучковый» – букв. волчий корень с синими цветками, *къызыл бёрюжемии* «эхикопанакс высокий» – букв. красная волчья ягода), форма (*жассы бёрюаякъ* «плаун сплюснутый» – букв. плоская волчья лапа), возраст (*жыллыкъ бёрюаякъ* «плаун годичный» – букв. годичная волчья лапа).

Специалисты в области ономастики пишут о том, что зооним *бёрю* является облигаторной составляющей некоторых многословных топонимов: *Бёрю кьозлагъан мыры* («заросли, где оценилась волчица»), *Бёрюле улуучу сырт* («плато, где воют волки») [Текуев и др. 2019: 233]. Но, как показывает соответствующий фактологический материал, больше всего в карачаево-балкарской системе топонимов представлены двукомпонентные микротопонимы, структурирующиеся по образцам изафетных дескрипций, например: *Бёрю кьулакь* «Волчья балка», *Бёрю тала* «Волчья поляна», *Бёрюлю кьол* «Балка с волками», *Бёрюле таласы* «Волков поляна», *Бёрю кьабакь* «Волчьи ворота». Такие названия местности мотивируются тем, что определенные ее участки (балки, поляны и т.д.) по многолетним наблюдениям и представлениям местных жителей изобилуют волками.

Исследуя карачаево-балкарские зоофорные имена и их мотивационно-номинативные признаки, М.М. Текуев пишет о наличии у карачаевцев и балкарцев фамилий *Бёрюкалары* и *Бёрюкайлары*, образованных посредством уменьшительно-ласкательных аффиксов *-ка*, *-кай* [Текуев 2017: 118]. В их основе лежат прозвищные имена *Бёрюка* и *Бёрюкай* со значением «волчонок». Наречение мальчиков именами с компонентом, обозначающим волка, в карачаево-балкарском этносе имеет давнюю традицию, связанную с пожеланием ребенку быть крепким, сильным и опытным как волк. Такого рода имена бытовали еще в XIV веке. Описывая походы Тимура в 1395-1396 гг. в Карачай и Балкарию, Э.В. Ртвеладзе отмечал, что этот полководец обрушил свои войска на владения князей, носивших имена *Буракан* и *Буриберди* [Ртвеладзе 1976: 104]. Первое имя можно интерпретировать как *Бёрюхан* (*бёрю* «волк» + *хан*), а второе – *Бёрюберди* (*бёрю* «волк» + *берди* «дал»). Такого рода антропонимы, коннотативно маркируясь, связаны с семантической зоной «номинации животных».

Представленность данного слова и сложных словосочетаний в карачаево-балкарском антропонимиконе объясняется тем, что волк представляет собой тотемное животное. Это актуализируется в специальных филологических исследованиях [Аппоев 2004: 36, 86; Volatova et al. 2019].

В силу указанного название волка функционирует как этноним у целого ряда тюркских народов. Так, В.Я. Бутанаев относит название хакасского сеока «бююр» (в значении волки), а также «чети бёри» (семь волков) к древнейшему этнониму Саяно-Алтая [Бутанаев 2011: 18]. Кыргызы в свое время были известны другим народам как «бурут». Данный этнотермин репрезентировал значение «бөрү» (волк) [Тургунбаева 2021: 60].

У карачаевцев и балкарцев существовал обычай *бёрю аууз байлау* «обряд заговаривания волка, чтобы он не задрал заблудшую скотину».

По свидетельству очевидцев, в частности старожила Аппоева Мухаммата (дедушки Аппоева А.К.) он сам не раз становился участником и свидетелем подобного обряда. По его словам, этот обряд «работал». Обряд проводился обычно вечером. И на утро следующего дня, или через несколько дней скот находили живой и невредимый. Он рассказывал о тех случаях, когда, было понятно, что волк находился среди овец, «играл» с овцами, но при этом оставлял их невредимыми. Свидетельством этому были следы слюны волка на шее овец. Кроме того,

обязательным условием было то, что после того как скот находился незамедлительно проводили следующий обряд – «обряд развязывания пасти волка», иначе волк мог погибнуть. Описанное происходило в высокогорном селении Верхний Хулам, а также, когда он находился высоко в горах, и содержал скот на летних пастбищах в местности Огъары Хари (полевой материал А.К. Аппоева).

В карачаево-балкарском языке наличествуют и фразеологические единицы с компонентом, обозначающим волка. Ср. *бёрю ауузу байларгъа* «произнести молитву, якобы для того, чтобы волк не зарезал оставшихся на ночь где-то животных». Такую молитву (произнесение сур из корана) обычно читал человек, сведущий в религии. Но более архаичным представляется фразеологизм *жанлы ауузун байла-*, в котором слово *бёрю* заменяется на эвфемизм *жанлы*. Однако в фольклорных текстах встречается еще более древний фразеологизм, содержащий в своем составе лексему *жаллы* «гривастый»: *жаллы ауузун байла-*. Это вполне приемлемо, поскольку нанести урон стаду мог не только волк, но и другой хищник, например, медведь, шакал, барс и т.п. С точки зрения карачаевца и балкарца у любого зверя, если он злится и нападает, в холке шерсть дыбится, и он похож на существо гривастое.

Молитвы с целью защиты скота (обычно овец) были в ходу еще до принятия карачаево-балкарским этносом исламской религии, о чем свидетельствует, например, мифотекст «Бёрюню ауузун байлагъан» (букв. завязывание пасти волка) [КъМФ 1996: 65-66]. Этот ритуал описывается следующим образом. Сведущий человек берет в руки топор (или нож) и трижды произносит «*Бёрюню ауузун байлайыкъ*» (завяжем пасть волку). Вонзает его в пень. Перед этим произносит текст молитвы и плюет на топор трижды. Текст молитвы следующий: *Жаллыса, къаллыса, // Ауузунг къурушун, // Тишлеринг бир бирине кйришсин. // Аштотур амин десин, // Апсаты къабыл этсин* «Душу имеешь, кровник ты, // Пасть твоя пусть отнимется, // Зубы твои пусть скрючатся. // Аштотур пусть скажет аминь, // Апсаты пусть одобрит». Текст может быть и другим: *Бут къойлагъа кирмесин, // Бут аланы кёрмесин! // Ауузун Тейри къурушдурсун, // Итлерибизни алагъа сюрюшдюрсюн. // Кийиз къамичи беригиз, // Тёгерекге айланайым, // Келип, къамичини жерге урайым, Атайтмазны бери келмезча этейим* «Бут к овцам пусть не зайдет, // Бут пусть их не увидит! // Его пасть пусть Тенгри отнимет, // Собак наших пусть к ним направит. // Дайте мне плеть из кошмы, // Вокруг поброжу, // Вернувшись, плетью об землю ударю, // Сделаю так, чтобы атайтмаз сюда не пришел». После произнесения этих слов в землю вбивался железный гвоздь, так как древние балкарцы считали, что железо является орудием Тенгри Огня и верили в его охранные свойства.

Отмеченное выше является в некоторой степени универсальным для многих тюркских народов. Так, описывая семейную обрядность в турецкой деревне, М.Н. Серебрякова пишет о том, что пасть волку завязывается прочтением ряда сур. При этом необходим складной нож, который открывается и закрывается [Серебрякова 1979: 126-127]. В.А. Гордлевский также указывает на факт завязывания волчьей пасти у османцев, но при помощи шерстяной нитки: «Имам берет нитку в руки и, обведя мысленно пространство в несколько верст, говорит: “Ну, я завязал волкам рты!”. После этого он делает на нитке семь уз-

лов и прячет нитку под какой-нибудь большой камень. Когда скотина отыскивается, имам немедленно распутывает на нитке узлы, и заговоренные рты волков разрешаются» [Гордлевский 1968: 88].

Согласно мировосприятию карачаевцев и балкарцев, волк, как правило, предстает в двух ипостасях – вредитель и хранитель. Как вредитель он наносит урон хозяйству, задирая скот. Поскольку волк является тотемным животным, он защищает людей, в первую очередь от нечистой силы. Указанное обнаруживается в небольшом по объему рассказе мифологического характера «Бёрю бла адам» («Волк и человек») [КъМФ 1996: 55-56]. Так, например, в тексте этого произведения констатируется то, что волк крадет у кобылицы только что рожденного жеребенка и съедает его. Между тем, если бы не было волков, весь мир был во власти шайтанов. Дом же, в котором имеются волчья шкура или шуба, шайтаны не заходят. Чтобы защитить дитя, женщины привязывали к люльке с ребенком кусочки волчьей шкуры, клык или череп волка. Небезынтересно также клишированное выражение *Ёлгенни бла сауну ортасына бёрю кирир* «Между мертвым и живым человеком волк зайдет». Значит, волк является посредником между царством мертвых и миром живых.

Волк способствует уличению вора. Чтобы вывести его на чистую воду, подозреваемому в воровстве человеку давали в руки зажженную жилу волка или же предлагали ему через нее перепрыгивать. При этом виновник должен был скорчиться или распухнуть и умереть. В мифологии актуализируется и лечение больного ребенка. Такого ребенка протаскивали или под пастью, или под шкурой волка, а так называемую «ветряную волчанку» лечили водой, в которой держались кости волка [Джуртубаев 1991: 35]. К таким обрядам прибегали в среде целого ряда тюркских народов. Так, например, проводя этнолингвистический анализ мифологической лексики башкирского языка, Ф.Г. Хисамитдинова пишет следующее: «От нечистой силы и разных болезней применяли ободок (*уткарма*), сделанный из срезанных целиком краев волчьей пасти. По поверьям, чтобы ребенок был здоровым, счастливым, удачливым, младенца после купания надо обязательно провести через «пасть волка». Женщин, страдающих бесплодием, и женщин, у которых роды проходят трудно или долго не отходит послед, также протаскивали через «волчью пасть». [Хисамитдинова 2016: 325]. На основе таких данных она приходит к вполне правомерному выводу, что «волчья» мифология пронизывает родинный обряд башкир.

Этнокультурные характеристики рассматриваемого животного лучше всего обнаруживаются в текстах устного народного творчества различной жанровой отнесенности. Начнем с примет. В них волк и плохой человек рассматриваются в одном ряду и им дается негативная оценка, так как они наносят вред как обществу, так и хозяйству (скоту). При их упоминании носителю языка рекомендуется бросать в огонь сухую травинку и произнести фразу *От тёбеси болсун!* «Пусть пропадет пропадом!». Это актуализируется и в следующей примете-рекомендации: *Бёрюню неда аман адамны аты сагъынылса, отха салам ат* «Если будет произнесено имя волка или плохого человека, в огонь бросай солому». В этой связи небезынтересна и фразеологизированная конструкция рекомендательного характера *Отха чён ат* «В огонь бросай стебелек». Счита-

лось, что такое действие помогает избежать неприятностей, поскольку огонь обладает очистительной силой. Ср. также *Кече бёрю сагъынылса, ыстауатха бёрю чабар* «Если ночью упоминать волка, на стойбище нападет волк». Данная примета сопряжена с формулой «подобное рождает подобное». В определенное время суток налагался запрет, согласно которому выход ребенка из дому являлся плохой приметой: *Ахшам бла жассыны ортасында сабийни эшикге жиберирге ырыслагъан этгендиле*: «Сары тангда сарыуекле сарнайдыла, кёк ахшамда бёрюле улуйдула», – *дегендиле къартла* [КъМФ 1996: 414] «Выпускать ребенка на улицу между сумерками и поздним вечером считалось плохой приметой: старики говорили, что ранним утром крокодилы, а в сумерки волки воют». Однако встречать волка в пути считалось доброй приметой [Джуртубаев 1991: 36].

Зоолексема *бёрю* часто фигурирует в каргышах (зложеланиях): *Аман бёрюле ашасынла!* «Чтобы съели плохие волки!»; *Аман бёрю ашарыкъ!* «Аман бёрю ашарыкъ!»; *Бёрю азыгъы боллукъ!* «Чтобы волчьей пищей стал!»; *Бёрюле жыртырыкъ!* «Чтобы волки разодрали!»; *Къазакъ бёрюге аш боллукъ!* «Чтобы стал пищей для волка-одиночки!». Такие зложелательные конструкции, как правило, носят экспрессивный характер и употребляются с целью продемонстрировать отношение говорящего к кому-либо.

Рассматриваемый зооним встречается и в алгышах (благопожеланиях), связанных с животноводством – основной сферой хозяйствования карачаевцев и балкарцев. Например, в тексте «Къочхар къошханда алгъыш» («Благопожелание во время случки овец») мы читаем: *Эгиз-эгиз тёлю туусун, // Сегиз-сегиз насып жаусун, // Къозламагъан тиши къалмасын, // Жаллы къагъанакъ алмасын! // Малла тёлю берсинле, // Бёрюле керу кетсинле* [КъМФ 1996: 407] «Близнецами пусть молодняк родится, // По восемь пусть счастье дождит, // Не ягившихся самок пусть не будет, // Хищник младенцев пусть не заберет! // Скотина пусть приплод даст, // Волки пусть прочь уйдут». Как видим, в данном благопожелании излагается просьба, чтобы волк не навредил скотине.

В карачаево-балкарском фольклоре имеется несколько загадок, связанных с интерпретацией волка [КъМФС 2022: 257]. В них волка предлагается отгадывать исходя из его внешних характеристик, поведения и образа жизни. При этом хищник получает пейоративную оценку, для чего используется в основном признаковая лексика соответствующей семантики: *Боюну бугъа боюнду, оюну аман оюнду* (Бёрю) «Шея бычья его, а игра – плохая игра» (Волк); *Сыртда сууукъ сюрюучю, сууукъ юйге кириучю* (Бёрю) «На холме непрошенный пастух, в холодный дом входящий» (Волк); *Туман тубюнде жоргъа алаша* «Под туманом мерин-иноходец»; *Урлагъандан тоймагъан, аман ишни кёймагъан* (Бёрю) «Воровством не насыщающийся, дурное дело не оставляющий» (Волк).

В карачаево-балкарском нартском эпосе волк встречается эпизодически. Главное здесь заключается в том, что предводителя нартвов Ёрюзмека кузнец Дебет обнаружил в середине расколовшегося надвое от удара на землю большого синего камня, упавшего с неба. Внутри него лежал богатырского телосложения младенец, который, крепко обхватив шею громадной волчицы, сосал ее молоко [Нарты 1994: 309]. Данный факт вполне объясним, поскольку покровителем многих тюрков является небесный волк. Главным одеянием Ёрюзмека

считается его волчья шуба. Она спасает нарта от козней врагов, а также оберегает от нечистой силы.

В карачаево-балкарских анималистических сказках, как и в сказках других народов, волк выступает в качестве хищника, охотящегося на диких и домашних животных, каковыми являются обычно барсук, вол, заяц, коза, овца, лошадь и др., т.е. налицо такая его природная характеристика как агрессивность, которая необходима для обеспечения процесса жизнедеятельности. Тем не менее волк, как правило, остается без добычи, поскольку проигрывает другим представителям царства животных, которые более умны и находчивы. Это актуализируется в таких сказках, как «Къой бла эчки» («Овца и коза»), «Борсукъ бла бёрю» («Барсук и волк»), «Бугъа таначыкъ» («Бычок»), «Бёрю, тюлкю, ат» («Волк, лиса, лошадь»), «Айыу, бёрю эм къызыл тюлкю» («Медведь, волк и красный лис») [КъМЖТА 1999: 392-397; КъМЖТА 2003: 417-422].

В жанрах фольклора волк больше всего представлен в пословицах и поговорках. В среде карачаевцев и балкарцев употребляется свыше ста паремий с компонентом волк, о чем свидетельствуют данные специальных изданий [КъНС 1963; МНС 1982]. Как пишет известный фольклорист Б.А. Берберов, образ этого хищника «нашел широчайшее отражение и в карачаево-балкарских пословицах и поговорках, вплоть до признания волка важнейшим обитателем лесов» [Берберов 2023: 293]. По мнению автора, характеристики волка переносятся и на человека. При этом он может интерпретироваться с точки зрения целеустремленности и жестокости, с чем трудно не согласиться.

Пословицы и поговорки с компонентом *бёрю* отражают многие ипостаси данного зверя, отношение этноса к нему. Благодаря им, появляется возможность выявить и описать реестр когнитивных признаков волка, которые зиждятся на мировосприятии народа и ложатся в основу релевантного сегмента пословичной картины мира. Ниже обозначим эти признаки.

1. **Волк – обитатель леса:** *Эл телисиз болмаз, агъач бёрюсюз болмаз* «Села без дурака не бывает, леса без волка не бывает»; *Бёрю чегетден къоркъмаз* «Волк леса не боится»; *Не бек тойдурсанг да, бёрюню кёлю – агъачда* «Сколько не корми, душа волка в лесу».

2. **Волк ведет активный образ жизни, благодаря чему и выживает:** *Бёрюню азыгъы – жолда* «Еда волка в пути»; *Бёрюню къарынын аягъы асырар* «Желудок волка его лапы подпитывают»; *Бёрюню насыбы аякъларындады* «Счастье волка в его лапах»; *Жатхан бёрю токъ болмаз* «Лежащий волк сыт не будет».

3. **Пищей для волка служит мелкий рогатый скот** (как правило, заблудший, оставшийся без присмотра): *Бёрю да ажаихан малны ашар* «Волк тоже съедает заблудшую скотину»; *Иесиз сюрюуге бёрю чабар* «На отару без хозяина волки нападут»; *Орунундан чыкъгъан къойну бёрю ашар* «Овцу, вышедшую из загона, волк съедает»; *Сюрюуден айырылгъан къойну бёрю ашар* «Овцу, которая отбилась от отары, волк съест»; *Сюрюуден айырылгъан теке – бёрюге азыкъ* «Козел, отделившийся от стада, является едой для волка»; *Жангыз къойну бёрю ашар* «Одинокую овцу волк съест».

4. **Волк на соседей не нападает:** *Бёрю да кьоншу кьошуна чапмайды* «Волк тоже на соседню кошару не нападает».

5. **Волку присущи определенные привычки:** *Бёрю боранлы кече чабар* «Волк в буранную ночь нападет»; *Бёрю сюрюуге боранлы кече чабар* «Волк нападает на стадо в буранную ночь»; *Бёрю да ашхынны башындан башлайды* «Волк тоже начинает есть желудок сверху»; *Итге арыкълыгъын билдирмезге, бёрю сыртын кёндюрюр* «Чтобы не дать собаке понять свою худобу, волк свою спину распушит / поставит дыбом».

6. **Волк не меняет своих привычек** (волк есть волк): *Бёрю тюгюн ташла-са да, кьылыгъын ташламаз* «Если даже полиняет, волк свой нрав не утратит»; *Бёрюню терисин сыдырсанг да, бёрюлей кьалыр* «У волка если даже шкуру снимешь, он волком останется»; *Бёрю жюрюген жол бла баласы да жюрюр* «По волчьей тропе и волчонок ходит»; *Бёрюню баласы кьой кесер* «Волчонок овцу задерет»; *Бёрюню баласы ит болмаз* «Волчонок собакой не станет»; *Бёрю бала, асырагъанлыкъгъа, ит болмаз* «Волчонок, сколько его не корми, собакой не станет»; *Бёрю, ач болса да, жютю кьарар* «Если даже проголодается, волк зорко смотрит».

7. **Волк – добытчик** (никогда без добычи не уходит): *Бёрю сюрюуге кирсе, бирин ашар кьоймай, барын да кесер* «Если зайдет в стадо, волк одним не ограничивается, всех задерет»; *Бёрю сюрюуге кирсе, кьуру чыкъмаз* «Если волк зайдет в стадо, без добычи не уйдет».

8. **Волк в старости охотится за слабой дичью:** *Бёрюню кьартлыгъы жубуранчы болур* «Волка старость становится охотником на сусликов»; *Бёрюню кьарты жубуранчы болур* «Старый волк охотником на сусликов станет»; *Бёрю кьарт болса, жубуранчы болур* «Если волк постареет, станет охотником на сусликов»; *Бёрю кьартлыгъында жубуранчы болур* «Волк в старости охотником за сусликами станет».

9. **Волк обычно серый:** *Бёрю болса – кёк болады, киши болса – бек болады* «Если волк, то он бывает серым, если мужчина – то он бывает крепким»; *Кёпню кёрген – кёк бёрю* «Много повидавший – серый волк».

10. **Старый волк опытен:** *Кьарт бёрю жолгъа уста болур* «Старый волк дорогу хорошо знает»; *Кьарт бёрю ыстауатха чапмаз* «Старый волк на стойбище не нападет».

В пословицах и поговорках имеет место оппозитивная интерпретация волка и собаки, поскольку собаки выступают в качестве врагов волков и служат человеку, охраняя его хозяйство от хищников, хотя собака сама часто становится добычей волка: *Бирикмеген ит жыйын бёрю тутмаз* «Не объединившаяся собачья свора волка не поймает»; *Иесиз итни бёрю ашар* «Собаку без хозяина волк съедает»; *Ит жеринде жатса, бёрю ашамаз* «Если собака на своем месте лежит, ее волк не задерет»; *Итни кьаргъышы бёрюге жетмез* «Проклятия собаки до волка не дойдут»; *Танымагъан эки ит, бёрюню кёрселе, танышырла* «Не знакомые друг с другом две собаки, когда волка увидят познакомятся»; *Элге бёрю кирсе, итле бары да бир болурла* «Если в село заходит волк, все собаки объединяются».

В паремиях обнаруживается метафорический перенос волк – человек. При этом носитель языка уподобляет человека волку как в целом, так и с опорой на его различные характеристики: *Бий – бёрю, бийче – тюлкую* «Князь – волк, княгиня – лиса»; *Жаш эркеси бёрю болур, къыз эркеси тели болур* «Избалованный юноша волком станет, избалованная девушка душой станет»; *Кеченг – бёрю, кюнюнг – ит* «Ночь твоя – волк, день – собака»; *Элге – бёрю, юйюне – тели* «Для села – волк, для своего дома – дурак»; *Аида – бёрю, иише – ёлю* «В еде – волк, в работе – труп»; *Бёрю атарыкъ бёркюнден белгили* «Охотник на волка по шапке узнается»; *Бёрюча узал да, къушча жут* «Хватай как волк, глотай как орел»; *Бёрюню кьойлагъа кьалауур этгенлей* «Словно волка охранником овец сделать»; *Токълуну бёрюге аманат этгенлей* «Словно барашка волку доверили» и др.

Волк представлен и в художественной литературе. Так, например, С. Шахмурзаев в своем стихотворении «Бёрю» («Волк») [Шахмырзаланы С. 2002: 89], адресованном детям, удачно структурирует отрицательный образ волка. Этому способствует то, что волк – всеядный хищник, который нападает на человека, на диких и домашних животных: *Не тапса да, ашайды* «Что находит, то и ест»; *Кийиклеге чабады, // Адамны да къабады* «На диких животных нападает, // Человека тоже кусает»; *Халкъгъа, малгъа огъурсуз* «К народу, скоту жесток». Значит, наносит вред, является врагом: *Заранлыды, душманды* «Вреден, враг он». Исходя из этого, автор эмоционально призывает читателя к уничтожению волков: *Кёрген жерде уругъуз! // Ёлтюрюгюз, союгъуз!* «Где увидите – бейте! // Убивайте, шкуру снимайте!».

Таким образом, как явствует из вышеизложенного, зоолексема *бёрю* «волк» отмечен в карачаево-балкарском языке значительными функционально-семантическими возможностями. Данное слово участвует в образовании новых субстантивных и адъективных лексем, является обязательной составляющей фразеологических единиц, фитонимов, антропонимов, топонимов и других пластов лексики. Оно в целом этнокультурно маркируется, что видно при обращении к различным жанрам устного народного творчества, в которых закодированы архетипические знания относительно различных характеристик тотемного для карачаевцев и балкарцев хищного зверя, выступающего в мировосприятии этноса в качестве не только нападающего и охраняющего, но и посредника между мирами мертвых и живых. Выявление и описание этого релевантно для структурированной интерпретации национальной картины мира. Работа имеет перспективу для дальнейшего исследования зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской языковой картине мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аппоев 2004 – *Аппоев А.К.* Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик. 2004. – 118 с.

Ахматова 2010 – *Ахматова М.А.* Облик героя в карачаево-балкарском нартском эпосе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2010. – № 12. – С. 143-146.

Берберов 2023 – *Берберов Б.А.* Определение зооморфных образов в карачаево-балкарских пословицах и поговорках с использованием элементов частотного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. – 2023. – Т. 15. – № 2. – С. 288-306.

Бутанаев 2011 – Бутанаев В.Я. Хакасские этнонимы древнетюркской эпохи // Мир Евразии. – 2011. – №3 (14). – С. 15-18.

Гордлевский 1968 – Гордлевский В.А. Избранные сочинения. – М.: Издательство восточной литературы, 1968. Этнография, история востоковедения, рецензии. Т. 4. – 611 с.

Гукетлова, Кетенчиев 2014 – Гукетлова Ф.Н., Кетенчиев М.Б. Зоолексема «лошадь» и ее концептосфера в разноструктурных языках // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвистики и литературоведения. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 50-76.

Гулиева (Занукоева) 2019 – Гулиева (Занукоева) Ф.Х. О разграничении карачаево-балкарских волшебных и анималистических сказок // Вопросы Кавказской филологии. – 2019. – № 12. – С. 158-164.

Джуртубаев 1991 – Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

Кетенчиев 2015 – Кетенчиев М.Б. Зоолексеммы как репрезентанты карачаево-балкарской языковой картины мира // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 623-635.

КъМЖТА 1999 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула. 1-чи том (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания. Т. 1) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1999. – 472 б.

КъМЖТА 2003 – Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула. 2-чи том (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания. Т. 2) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 472 б.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор (Карачаево-балкарский фольклор) / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 б.

КъМФС 2022 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден айтылган чыгъармачылыкларыны гитче жанлары (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 5. Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев) / отв. ред. Б.А. Берберов – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 412 с.

КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле (Балкарские пословицы и поговорки) / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 656 с.

Ртвеладзе 1976 – Ртвеладзе Э.В. О походе Тимура на Северный Кавказ // Археолого-этнографический сборник. – Грозный, 1976. Т. IV. – С. 103-128.

Севортян 1978 – Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б»). – М.: Наука, 1978. – 349 с.

Серебрякова 1979 – Серебрякова М.Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне (новейшее время). – М.: Наука, 1979. – 168 с.

Текуев 2017 – Текуев М.М. Карачаево-балкарские зоофорные имена: мотивационно-номинативные признаки // Язык: история и современность. – 2017. – №2. – С. 112-127.

Текуев и др. 2019 – Текуев М.М., Хуболов С.М., Мизиев А.М. Многословные топонимы с зоонимической основой в карачаево-балкарском языке и их лексико-грамматическая характеристика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – № 2. – С. 230-234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50.

Тургунбаева 2021 – Тургунбаева А.С. О проблеме формирования основных этапов этногенеза кыргызов в исследованиях Н.А. Аристова // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 58-62.

Хапаев, Хапаева 2022 – *Ханаев Б.А., Хапаева А.Б.* Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022. – 580 с.

Хисамитдинова 2016 – Хисамитдинова Ф.Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2016. – 400 с.

Шаваева 2011 – *Шаваева Ш.А.* Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ. 2011. – 114 с.

Шахмырзаланы С. 2002 – Шахмырзаланы С. Къая къызы – къарылгъач: назмула, поэма. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 208 б.

Bolatova et al. 2019 – *Bolatova A., Uzdenova F., Kerimova R.* Totem beliefs in Karachay-Balkar folklore and literature // *Journal of History Culture and Art Research*. – 2019. – Vol. 8. – №1. – P. 223-227. DOI: 10.7596/taksad.v8i1.2057.

REFERENCES

АПОЕВ А.К. *Jetnograficheskaja leksika karachaevo-balkarskogo jazyka*. [Ethnographic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. Nal'chik. 2004. – 118 p. (In Russ.)

АКХМАТОВА М.А. *Oblik geroya v karachaevo-balkarskom nartskom epose* [The appearance of a hero in the Karachay-Balkar Nart epic]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. – 2010. – № 12. – P. 143-146. (In Russ.)

БЕРБЕРОВ В.А. *Opređenje zoomorfnykh obrazov v karachaevo-balkarskikh poslovitsakh i pogovorkakh s ispol'zovaniem elementov chastotnogo analiza* [Determination of zoomorphic images in Karachay-Balkar proverbs and sayings using elements of frequency analysis]. IN: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. – 2023. – Т. 15. – № 2. – P. 288-306. DOI: 10.21638/spbu13.2023.205. (In Russ.)

BOLATOVA A., UZDENOVA F., KERIMOVA R. Totem beliefs in Karachay-Balkar folklore and literature. IN: *Journal of History Culture and Art Research*. – 2019. – Vol. 8. – №1. – P. 223-227. (In Engl.)

БУТНАЕВ В.Я. *Khakasskie etnonimy drevnetyurkskoi epokhi* [Khakass ethnonyms of the ancient Turkic era]. IN: *Mir Evrazii*. – 2011. – №3 (14). – P. 15-18. (In Russ.)

ГОРДЛЕВСКИЙ В.А. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. – М.: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1968. *Etnografiya, istoriya vostokovedeniya, retsenzii*. Т. 4. – 611 p. (In Russ.)

ГУКЕТЛОВА Ф.Н., КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Zooleksema «loshad'» i ee kontseptosfera v raznostrukturnykh yazykakh* [The zoolexeme “horse” and its concept sphere in differently structured languages]. IN: *Vzaimodeistvie yazyka i kul'tury: problemy lingvistiki i literaturovedeniya*. – Tambov: Tambovskii gosudarstvennyi universitet im. G.R. Derzhavina, 2014. – P. 50-76. EDN: XRRWJB. (In Russ.)

ГУЛИЕВА (ЗАНУКОВА) Ф.К. *O razgranichenii karachaevo-balkarskikh volshebnykh i animalisticheskikh skazok* [On the differentiation of Karachay-Balkarian magical and animalistic fairy tales]. IN: *Voprosy Kavkazskoi filologii*. – 2019. – № 12. – P. 158-164. (In Russ.)

ДЖУРТУБАЕВ М.С. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient beliefs of the Balkars and Karachais]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.)

Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Compiled by T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin i dr. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Russ.)

КЕТЕНЧИЕВ М.В. *Zooleksemy kak reprezentanty karachaevo-balkarskoi yazykovoï kartiny mira* [Zoolexemes as representatives of the Karachay-Balkar linguistic worldview]. IN: *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*. – 2015. – № 16. – P. 623-635. (In Russ.)

K"arachai nart sezle [Karachai proverbs and sayings] / Compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar fol'klor [Karachay-Balkar folklore] / Compiled by T.M. Khadzheva. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar zhomak"la, taurukhla, aityula. 1-chi tom (Karachaevo-balkarskie skazki, legendy, predaniya. T. 1) [Karachay-malkar zhomakla, taurukhla, aityula. Volume 1 (Karachay-

Balkar tales, legends, traditions. Vol. 1)] / Compiled by T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1999. – 472 b. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar zhomak"la, taurukhla, aityula. 2-chi tom (Karachaevo-balkarskie skazki, legendy, predaniya. T. 2) [Karachay-malkar zhomakla, taurukhla, aityula. Volume 2 (Karachay-Balkar tales, legends, traditions. Vol. 2)] / Compiled by T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 472 b. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachailany bla malk"arlylany kelden aitylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary (Svod karachaevo-balkarskogo fol'klora. Tom 5. Maliye zhanry fol'klora karachaevtsev i balkartsev) [Learning Karachay-Malkar folklore. Volume 5. Genres of works sung by Karachaylilan and Malkarlilan (Svod Karachaevo-Balkarskogo folklore. Vol. 5. Maliye genre folklore Karachaevtsev and Balkartsev)] / Executive editor B.A. Berberov – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2022. – 412 p. (In Karach.-Balk.)

Malk"ar nart sezle [Balkarian proverbs and sayings] / Compiled by A.Z. Kholaeu. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.)

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

RTVELADZE E.V. *O pokhode Timura na Severnyi Kavkaz* [About Timur's campaign in the North Caucasus]. IN: *Arkheologo-etnograficheskii sbornik*. – Grozny, 1976. T. IV. – P. 103-128. (In Russ.)

SEVORTYAN E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov (Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvu «B»)* [Etymological dictionary of Turkic languages (Common-Turkic and inter-Turkic bases starting with the letter “B”)]. – M.: Nauka, 1978. – 349 p. (In Russ.)

SEREBRYAKOVA M.N. *Sem'ya i semeinaya obryadnost' v turetskoi derevne (noveishee vremya)* [Family and family rituals in a Turkish village (modern times)]. – M.: Nauka, 1979. – 168 p. (In Russ.)

TEKUEV M.M. *Karachaevo-balkarskie zoofornye imena: motivatsionno-nominativnye priznaki* [Karachay-Balkarian zoophoric names: motivational and nominative features]. IN: *Yazyk: istoriya i sovremennost'*. – 2017. – №2. – P. 112-127. (In Russ.)

TEKUEV M.M., KHUBOLOV S.M., MIZIEV A.M. *Mnogoslovnnye toponimy s zoonimicheskoi osnovoi v karachaevo-balkarskom yazyke i ikh leksiko-grammaticheskaya kharakteristika* [Verbose toponyms with a zoonymic basis in the Karachay-Balkar language and their lexicogrammatical characteristics]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2019. – T. 12. – № 2. – P. 230-234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50. (In Russ.)

TURGUNBAEVA A.S. *O probleme formirovaniya osnovnykh etapov etnogeneza kyrgyzov v issledovaniyakh N.A. Aristova* [On the problem of the formation of the main stages of ethnogenesis of the Kyrgyz in the studies of N.A. Aristova]. IN: *Vestnik Kyrgyzsko-rossiiskogo slavyanskogo universiteta*. – 2021. – T. 21. – № 2. – P. 58-62. (In Russ.)

KHAPAEV B.A., KHAPAEVA A.B. *Etimologicheskii slovar' nazvanii lekarstvennykh rastenii (s karachaevo-balkarskimi fitonimami)* [Etymological dictionary of names of medicinal plants (with Karachay-Balkar phytonyms)]. – M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2022. – 580 p. (In Russ.)

KHISAMITDINOVA F.G. *Mifologicheskaya leksika bashkirskogo yazyka (v etnolingvisticheskom osveshchenii)* [Mythological vocabulary of the Bashkir language (in ethnolinguistic light)]. – Ufa: IYAL UNTs RAN. 2016. – 400 p.

SHAVAEVA SH.A. *Zoonimicheskaya leksika karachaevo-balkarskogo yazyka* [Zoonymic vocabulary of the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 114 p. (In Russ.)

SHAKHMYRZALANY S. *K"aya k"zyzy – k"arylg"ach: nazmula, poema* [The girl of the rock – after reading: poems, a poem]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 208 b. (In Karach.-Balk.)

Информация об авторах

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

А.К. Аппоев – кандидат филологических наук.

А.М. Мизиев – доктор филологических наук.

Information about the authors

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

A.K. Appoev – Candidate of Science (Philology).

A.M. Miziev – Doctor of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.06.2024 г.; принята к публикации 27.06.2024 г.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 27.06.2024.